

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ
ДЕКАБРЬ, 1911 Г.

РУССКІЙ ГАГЕНБЕКЪ.

БЕЗПРЕДЪЛЪБНАЯ мѣстность, раскинувшаяся между озеромъ Балхашемъ и горою Тянь-Шань, въ сѣверной своей части представляетъ обширную степь, черезъ которую стремится широкая рѣка Или со своими семью рукавами, давшими всей колоссальной области имя Семирѣченской. Къ озеру Балхашу тянется хребетъ Каратау, а къ югу отъ долины рѣки Или идутъ четыре меньшія цѣпи горъ Алатау, окружая гигантское озеро Иссыкъ-Куль; по южному берегу этого озера высится горная цѣпь Терскей-Алатау, а еще южнѣе отъ нея, на небольшой, но буйной рѣчущкѣ Нарынъ, находится укрѣпленіе Нарынское.... Весьма скромно населенный пунктъ среди колоссальной безлюдной пустыни...

Мѣстность чудная, волшебная, колоритная, съ рѣзкими изломами горныхъ контуровъ, съ ясными зеркалами громадныхъ бассейновъ воды, съ черно-зеленымъ бархатомъ лѣсныхъ зарослей пихтъ, съ изумрудно-лиловыми, взбугренными равнинами степей... И много свѣта, и еще больше красокъ, и непрерывныя смѣны ароматовъ, то теплыхъ и густыхъ, нѣжащихъ и пріятно дурманящихъ, то прохладныхъ и тонкихъ, бодрящихъ и освѣжающихъ...

Почти тридцать лѣтъ тому назадъ въ это укрѣпленіе Нарынское былъ заброшенъ рекрутскою повинностью нѣкій пермскій крестьянинъ, по имени Осипъ Неживовъ.

Несмотря на то, что мѣстность его родины также нельзя назвать вовсе не живописною, однако Неживовъ, попавъ въ Семирѣчье, положительно ошалѣлъ отъ подавляющихъ красотъ здѣшней при-

роды, но особенно его поразило и заняло безсчётное разнообразіе мѣстной фауны...

Страстный охотникъ, чудный стрѣлокъ, прирожденный натуралистъ ¹⁾, Неживовъ всё свои досуги тратилъ на скитанье по горамъ и дебрямъ роскошнаго края, то выслѣживая легкую сайгу, то под-

Осипъ Емельяновичъ Неживовъ.

стерегая хитрую рысь... Едва окончилась военная служба, Неживовъ, вмѣсто того, чтобы ѣхать на родину, остался въ Нарынскомъ укрѣпленіи и весь сполна отдался любимому занятію...

¹⁾ Когда Неживову было едва 15 лѣтъ, черезъ его родную деревню проѣзжалъ въ одну изъ своихъ экскурсій гр. С. А. Строгановъ; онъ обратилъ вниманіе на этого деревенскаго мальчика, съ повышеннымъ интересомъ относившагося къ собиранію графомъ насѣкомыхъ и охотно помогавшаго ему въ этомъ. Графъ уговорилъ отца Неживова отпустить мальчика съ нимъ на далекую экскурсію и тотъ далъ свое согласіе. За все путешествіе графа мальчикъ былъ ближайшимъ помощникомъ его по собиранію и препарированію энтомологическихъ коллекцій и по набивкѣ чучель птицъ.

Его хатка наполнилась оленьими рогами, черепами, шкурами; по стѣнамъ висѣли клѣтки съ птицами, всюду стояли банки съ рыбами, съ водяными насѣкомыми, коробки и ящики съ жуками и гусеницами... На дворикѣ, въ разныхъ закуткахъ, сидѣли то лисята, то волчата; въ крохотныхъ загончикахъ толпились ягнята горныхъ козловъ, каменныхъ барановъ...

На всю эту живность находились покупатели даже и въ такой глуши, гдѣ поселился Неживовъ. Конечно, въ Нарынѣ русскихъ путешественниковъ почти не наѣзжало, но зато нерѣдко являлись туристы англійскіе, нѣмецкіе, бельгійскіе... Они-то и являлись главными покупателями. Эта, хотя и маленькая матеріальная поддержка еще болѣе окрыляла предприимчиваго пермяка: онъ заручился помощникомъ-киргизомъ и вдвоемъ началъ уже предпринимать болѣе отдаленныя экскурсіи въ горы, устраивая облавы на медвѣдей, на кабановъ....

Вокругъ его хатки выросталъ заправскій звѣринецъ. Въ грубахъ, но крѣпкихъ клѣткахъ были волки, ворчали рыси, визжали вепри... Въ клѣткахъ же сидѣли мощные орлы-бородачи, грифы, сины...

Проѣзжавшій черезъ Нарынъ въ Кашгаръ зоологъ музея академіи наукъ г. Герцъ заинтересовался неживовскимъ звѣринцемъ, посѣтилъ и осматривалъ его и посоветовалъ его владѣльцу завязать сношенія со столицею и другими городами Россіи, гдѣ сбыть звѣрей будетъ обильнѣе, чѣмъ въ Нарынѣ...

И Неживовъ воспрянулъ духомъ, энергія его разгоралась все шире... Онъ рѣшилъ везти первый свой транспортъ звѣрей въ Нижній-Новгородъ, въ мѣстный звѣринецъ. Двухъ мараловъ, двухъ козуль, одного дикообраза и пару горныхъ индѣекъ онъ тамъ продалъ за... триста рублей, т. е. почти даромъ... Но эта удача его окрылила еще болѣе. Онъ обзавелся еще нѣсколькими помощниками и сталъ организовывать болѣе дальнія звѣроловныя экспедиціи; онъ уже охотился на барсовъ, на тигровъ и на другихъ крупныхъ животныхъ.

Слѣдующіе транспорты, уже значительно большіе, были направлены въ Петербургъ, затѣмъ въ Москву... Однако послѣ этого выяснилось, что въ Россіи продавать звѣрей больше никому... Неживовъ было приунылъ, но г. Баумвальдъ, бывший въ то время владѣлецъ Петербургскаго зоологическаго сада, порекомендовалъ ему везти звѣрей въ Берлинъ... Директоръ берлинскаго зоологическаго сада г. Гекъ принявъ Неживова съ распростертыми объятіями, купилъ по хорошей цѣнѣ всѣхъ его звѣрей и заказалъ новый транспортъ.

Первая удача за границей окончательно укрѣпила Неживова въ сознаніи пользы и выгоды избранной имъ дѣятельности, и его новыя экскурсіи дѣлались все шире, необъятная Семирѣченская область оказалась для него ужъ тѣсною: онъ уже снаряжаетъ звѣроловче-

скія поѣздки въ Монголію, въ Турфанъ, въ Кашгаръ, на Памиры, въ Тибетъ...

Въ настоящее время исполнилось ровно двадцать пять лѣтъ съ момента сознательнаго учрежденія Неживовымъ его оригинальной дѣятельности. У нашего Гагенбека ¹⁾ въ Нарынѣ образовался своеобразный поселокъ: домъ для его многочисленной (онъ самъ-двѣ-

О. Е. Неживовъ съ шкурами звѣрей.

надцать!) семьи, хаты для значительнаго количества (до сорока человекъ) помощниковъ съ семьями, помѣщенія для роговъ, скелетовъ, шкуръ, чучель, многія клѣтки для дикихъ звѣрей, вольеры для громадныхъ птицъ, загоны для крупныхъ и мелкихъ травоядныхъ...

Помощники Неживова исключительно киргизы. Объясняется это тѣмъ, что дикіе звѣри, которыми промышляетъ нашъ пермякъ, далеко чуютъ присутствіе человека и привыкшаго употреблять

---

¹⁾ Гагенбекъ—всемирно-извѣстный звѣроловъ и звѣроторговецъ, поставляющій дикихъ звѣрей въ зоологическіе сады всего міра. Онъ организуетъ грандіозныя экспедиціи во всѣ части свѣта для охоты на львовъ, тигровъ, слоновъ и многихъ другихъ звѣрей.

вино и табакъ—особенно. Безусловно не пьющихъ и не курящихъ киргизовъ—большинство; кромѣ того, мѣстные киргизы, какъ полудикіе кочевники, отлично свыклись съ повадками дикихъ звѣрей и птицъ, прекрасно знаютъ мѣстность, неприхотливы и вообще являются незамѣнимымъ матеріаломъ для пособниковъ Неживову въ избранной имъ дѣятельности.

Всѣ помощники русскаго Гагенбека раздѣлены на спеціальные отряды, которые разъ навсегда вѣдаютъ только порученное имъ дѣло. Такъ, на примѣръ, среди нихъ есть отрядъ для охоты на тигровъ и другихъ крупныхъ хищниковъ, отрядъ для охоты на разныхъ травоядныхъ животныхъ, отрядъ для ловли грызуновъ, для поимки живыми дѣтенышей всевозможныхъ млекопитающихъ, отрядъ для ловли птицъ и собиранія ихъ яицъ, раковинъ, для выскиванія пресмыкающихся, гадовъ, насѣкомыхъ... Препарированіемъ чучель, шкуръ, скелетовъ, жуковъ и бабочекъ занимается всегда самъ Неживовъ, ухитряясь въ иной годъ приготовить для продажи, напр., бабочекъ до 50,000 штукъ!

Самою любимую охотою Неживова—является охота на тигра. Правда, она случается не слишкомъ часто, но зато въ ней Неживовъ участвуетъ непремѣнно самъ, и гдѣ бы онъ ни былъ, куда бы ни уѣхалъ, но разъ выслѣженъ тигръ, Неживова разыскиваютъ нарочные, ему даются телеграммы, и онъ, бросая все, стремится на излюбленную охоту...

А между тѣмъ охота эта производится совсѣмъ просто. Къ найденному звѣрю осторожно подступаютъ охотники, раздѣленные на двѣ цѣпи: первая состоитъ изъ лучшихъ стрѣлковъ и хладнокровныхъ людей... Живымъ взрослому тигра, конечно, взять трудно и его убиваютъ, но зато его котятъ берутъ непремѣнно живыми; дома ихъ окружаютъ самымъ бдительнымъ вниманіемъ, выращиваютъ въ холѣ и покоѣ вплоть до полной смѣны зубовъ и только тогда уже продаютъ, какъ вполне свыкшихся съ неволею. Періодъ смѣны зубовъ у тигрятъ считается критическимъ: они часто погибаютъ въ это время... Если же выслѣженъ тигръ особенно сильный и свирѣпый, для его убоя примѣняется киргизскій способъ: выстраивается небольшая подвижная, рѣшетчатая юрта, легкая, но крѣпкая, безъ дверей. Четверо или трое охотниковъ забираются въ нее и такъ идутъ на тигра, двигая съ собою и юрту... Свирѣпое животное, увидѣвъ этихъ людей, словно заключенныхъ въ легкую клѣтку, отважно бросается на юрту, а охотники, не упуская секунды, стрѣляютъ ему прямо въ упоръ, или же поражаютъ его ударомъ ножа въ сердце—и то, и другое свободно производя подъ надежную защиту рѣшетки...

Барсовъ Неживовъ ловить живыми,—хотя и не хитро, но своеобразно. Въ мѣстности, посѣщаемой этими звѣрями, вырывается глубокая—до полуторы сажени—яма, рѣзко суженная кверху;

отверстіе ямы замаскировывается вѣтвями, травою и мхомъ, а надъ нимъ къ суку дерева привѣшивается убитая овца или коза. Кроважидный хищникъ, учуявъ снѣдь, бросается къ ней, разумѣется, тотчасъ же проваливается и попадаетъ въ растянутый въ ямѣ кожанный, кисетообразный мѣшокъ... Отъ тяжести барса «кисеть» затягивается и вылѣзти бѣдному звѣрю уже не представляется возможнымъ!...

Ловцы извлекаютъ изъ ямы мѣшокъ, но такъ какъ барсъ въ немъ все-таки не остается бездѣятельнымъ, а принимаетъ всяческія

Помощники Неживова.

усилія перекусать и перещарапать людей даже и черезъ крѣпкій мѣшокъ, пойманнаго звѣря ловко и быстро, поверхъ мѣшка, спеленывають наподобіе муміи и въ такомъ «обезвреженномъ» видѣ приторачиваютъ къ сѣдлу и везутъ, въ этомъ неудобномъ для него положеніи, нерѣдко верстъ 50—100...

Рысей, волковъ и другихъ многихъ звѣрей ловятъ почти такъ же; конечно, употребляютъ и спеціальныя ловушки, каковы сѣти и т. д.

Барановъ, козловъ, сайгъ, яковъ, лошадей Пржевальскаго и многихъ иныхъ травоядныхъ неживовскіе охотники преслѣдуютъ

верхомъ на коняхъ до полной усталости. Взрослыхъ животныхъ заарканиваютъ или загоняютъ въ заранѣе приготовленные загоны, дѣтеныши же обыкновенно долго не выдерживаютъ этой гонки, а стараются поскорѣе спрятаться въ кусты или траву, откуда ихъ и берутъ прямо руками...

Вообще маленькихъ ягнятъ горныхъ козловъ и каменныхъ барановъ, телятъ яковъ, жеребятъ «пржевалекъ», кулановъ Неживовъ ловить съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ взрослыхъ. Правда, ихъ приходится долго выкармливать, выхаживать, но зато выросшее въ неволѣ животное лучше переноситъ дальнѣйшую жизнь въ зоологическихъ садахъ и звѣринцахъ...

Крупныхъ птицъ, какъ хищныхъ, такъ и водяныхъ, болотныхъ и другихъ, также добываютъ птенцами и уже довоспитываютъ въ клѣткахъ и специальныхъ вольерахъ. Впрочемъ, грифовъ, сиповъ и стервятниковъ ловятъ и взрослыми. Для этой цѣли гдѣ-нибудь въ степи бросаютъ въ обилии падаль, а кругомъ нея, по сторонамъ въ разныхъ направленіяхъ разставляютъ сѣти... Хищники слетаются и наѣдаются до такой степени, что бываютъ не въ состояніи подняться на воздухъ... Ловцы пользуются ихъ безпомощнымъ положеніемъ, загоняютъ ихъ въ сѣти, опутываютъ ими и легко овладѣваютъ обжорами...

Что русскій крестьянинъ Неживовъ по собственной инициативѣ сумѣлъ организовать, болѣе или менѣе фундаментально, первое въ Россіи заведеніе звѣроловства,—это, конечно, очень удивительно; но еще удивительнѣе, что онъ учредилъ и другое, также небывалое у насъ дѣло, которое и за границей-то едва лишь начинается,—дѣло это: звѣроводство.

Въ неживовскомъ звѣринцѣ на Нарынѣ превосходно плодятся и размножаются: красные волки, соболя, рыси, лисицы, даже барсы! О травоядныхъ животныхъ и говорить нечего—ихъ разведеніе не представляетъ большихъ трудностей...

Профессоръ Туэссаръ во Франціи, а А. В. Маркграфъ у насъ—уже неоднократно доказывали необходимость устройства звѣроводныхъ питомниковъ; оба они даже написали прекрасныя руководства по этому вопросу... И вотъ простой пермскій мужичокъ, задолго еще до ихъ просвѣщенныхъ совѣтовъ, основатель самостоятельно это сложное, тонкое дѣло, дающее почти безошибочно удачныя результаты!..

Нелегко дикаго звѣря поймать живымъ, еще тяжелѣе его вырастить изъ дѣтеныша въ неволѣ, очень трудно его разводить какъ домашнее животное!... Но какіе труды, какія усилія приходится употреблять, сколько нужно испытать опасеній, сколько израсходовать вниманія и хлопотъ, чтобы всѣхъ этихъ пойманныхъ или воспитанныхъ дома дорогихъ дикихъ звѣрей вывезти изъ глухихъ нѣдръ Азіи въ культурные центры Европы!..

Всѣ звѣри и птицы, подлежащія отправкѣ въ Европу, помѣщаются въ особые ящики-клетки, грубо, но прочно сложенные. Клетки эти ставятся на киргизскія арбы; на другія арбы грузятся ящики съ рогами, скелетами, чучелами, коллекціями яицъ и другимъ зоологическимъ матеріаломъ.

Такой караванъ въ нѣсколько аробъ изъ Нарына идетъ безпредѣльными степями, перекатывается черезъ многіе горные перевалы—

Выкормка дѣтенышей дикихъ архаровъ.

на высотѣ до 3500 метровъ—нѣкоторые съ вѣчными снѣгами и ледниками; приходится испыгивать и жару, и снѣжные бураны... Такъ, напримѣръ, транспортъ перебирается черезъ горы Нура, Терской-Алатау, затѣмъ направляется на Токмакъ, Аулиеату, на Хамкентъ. До «ближайшей» линіи желѣзной дороги—въ Ташкентъ—тысяча верстъ!.. Этотъ путь осиливается отъ 24 до 28 дней.

Отъ Ташкента по желѣзной дорогѣ звѣри ѣдутъ на Перовскъ, Казалинскъ, Оренбургъ, Самару, Тулу, Смоленскъ, Брестъ, Варшаву, Калишъ и Германію... Эта дорога занимаетъ еще двадцать дней!

Если до Ташкента транспорты неживовскихъ звѣрей сопровождаютъ многими людьми подъ началомъ самого звѣролова, то отъ этого города и до самаго мѣста назначенія за границу— ихъ везетъ Неживовъ одинъ-одинешепекъ! По желѣзной дорогѣ весь путь въ продолженіе 20 дней онъ ухаживаетъ за своими плѣнниками, кормить, поить, чистить, лечить... А плѣнниковъ бываетъ въ каждомъ транспортѣ болѣе двухсотъ особей!..

Конечно, несмотря на самый бдительный уходъ, далеко не всѣ звѣри прибываютъ на мѣсто отправленія: въ пути немало ихъ погибаетъ!..

Очень интересны тѣ цѣны, по которымъ Неживовъ продаетъ свой «живой товаръ»...

Высшая цѣна, понятно, для рѣдчайшаго звѣря—тигра; онъ ходитъ отъ 1500 до 2000 р. За всю многолѣтнюю свою дѣятельность Неживовъ продалъ тигровъ не болѣе дюжины... Слѣдующія цѣны идутъ для барсовъ—отъ 300 до 500 руб. Однако въ такихъ же стоимостяхъ не мало еще звѣрей: напимѣръ, соболи, чернобурья лисицы, маралы (олени), архары (горные бараны), горные козлы, антилопы (сайги), лошади Пржевальскаго, бѣлые яки; отъ 100 до 200 руб. продаются рыси, красные волки, куланы, черные яки; отъ 50 до 100 рублей—медвѣди, соболи (худшій сортъ), Тяньшанскія козы (косули), орлы-бородачи; до 50 рублей можно купить черныхъ сурковъ, выдръ, болотныхъ кошекъ, антилопъ (джирановъ), нелікановъ, сѣрыхъ грифовъ; отъ 25—30 рублей—куницы, сѣрые волки, красныя лисицы, лѣсныя и каменные кошки, дикообразы, барсуки, черные грифы, каменные орлы, черные аисты, дрофы, журавли-красавы, горныя индѣйки (улары)...

Цѣны на скелеты и чучела уже значительно ниже: скелеты мараловъ—200—250 рублей, барсовъ, рысей, архаровъ, козловъ—50—100 р., чучела архаровъ и козловъ—20—50 р., орловъ и грифовъ—10—20 рублей и такъ далѣе.

Насѣкомыя отъ копейки до 3 р. штука, раковины отъ копейки до полтинника...

Любопытно, что приведенныя здѣсь цѣны относятся лишь для покупателей любителей и коммерсантовъ; для научныхъ же музеевъ, для университетовъ и вообще учебныхъ учрежденій Неживовъ изъ промышленника превращается почти въ мецената и довольствуется лишь возмѣщеніемъ тѣхъ расходовъ, которые дѣйствительно понесены имъ при добываніи и доставкѣ тѣхъ или другихъ животныхъ...

Неживовъ отправляетъ въ годъ не болѣе двухъ транспортвъ, на 10—15 тысячъ рублей каждый.

Въ Россіи Неживова вовсе не знаютъ, да и не мудрено: сбытъ его звѣрей у насъ производится въ микроскопическихъ размѣрахъ! Зато за границей имя его извѣстно многимъ ученымъ учрежденіямъ Германіи, Англій, Франціи; его знаютъ почти всѣ существующіе

въ Европѣ лучшіе зоологическіе сады и музеи: вѣдь почти онъ одинъ поставляетъ дикихъ звѣрей Туркестанскаго края на всю Европу и даже малую часть Америки! Не сильно свѣдущій въ русской грамотѣ, О. Е. Неживовъ не знаетъ ни единого иностраннаго языка, однако, сопровождая свои транспорты лично, онъ за границей ведетъ свои дѣла лично же, конечно, пользуясь мѣстными переводчиками...

Въ Америку, во Францію, Англію, Италію и Австро-Венгрію онъ доставляетъ по $\frac{1}{10}$ на каждую страну всего вывозимаго товара; остальные же $\frac{5}{10}$ дѣликомъ идутъ въ Германію и въ Бреславль особенно, потому что изъ бреславльскаго зоологическаго сада идетъ перепродажа «товара» не только въ другіе города Германіи, но и въ другія государства Европы.

Всякій пріѣздъ Неживова за границу является для тамошнихъ любителей зоологій маленькимъ праздникомъ, ибо нашъ пермякъ почти всегда привозитъ что-нибудь особенно-интересное и уже обогатилъ немало научныхъ музеевъ и зоологическихъ садовъ рѣдкими экземплярами животныхъ. Его азартно интервьюируютъ корреспонденты естественно-научныхъ изданій, спеціальные журналы помѣщаютъ его портреты и біографіи, именуя его то «сибирскимъ тигреро», то «русскимъ Гагенбекомъ»... Увы! нѣкоторыми учеными мужами Неживовъ не всегда остается довольнымъ: одному нѣмецкому профессору онъ привезъ рѣдкихъ птичекъ... Профессоръ обрадовался, заявилъ, что видъ птичекъ еще не отмѣченъ наукою; онъ сейчасъ же его отмѣтилъ и назвалъ птичекъ... своимъ именемъ!.. Крупное четвероногое, до сихъ поръ носящее имя нѣкоего путешественника, какъ оказывается, впервые было предъявлено этому путешественнику Неживовымъ же..

У себя дома, въ Нарынѣ, Неживовъ устроилъ нѣчто вродѣ музея, гдѣ собралъ почти всѣхъ представителей мѣстной фауны— въ видѣ чучель, скелетовъ, заспиртованныхъ препаратовъ и т. п. Всѣ интересующіеся совершенно свободно допускаются въ этотъ музей, и самъ хозяинъ охотно даетъ необходимыя разъясненія...

Исключительная, напитанная опасными приключеніями жизнь О. Е. Неживова дѣйствительно интересна и значительна, и описаніе ея могло бы занять немалую книгу. Но самъ онъ такъ скромнень, что не любитъ распространяться о себѣ. Этотъ человекъ изучилъ громадный районъ Семирѣчья, какъ свою квартиру; но онъ знаетъ также и далекіе края, граничащіе съ нимъ... Козьи дорожки, звѣриныя тропы, мрачныя логова страшныхъ хищниковъ, всѣ захолустныя трупцы—все вѣдомо ему и знакомо. Онъ лазалъ на недоступныя кручи, спускался въ бездонныя расщелины и сколько разъ онъ подвергался разнохарактернымъ опасностямъ! Съ тиграми, съ барсами шутки плохи; разсвирѣпѣвшіе свѣкачи (самцы-кабаны) также нерѣдко грозили Неживову если не смертью, то страшными

увѣчьями; цѣлыми сутками высиживалъ онъ на деревѣ въ лѣсномъ безлюдѣ, окруженный голодною стаею красныхъ волковъ... Нерѣдко онъ совсѣмъ считалъ себя погибшимъ въ горахъ, подъ снѣговыми оплывинами, или—засосаннымъ болотными трясинами... Но находчивость и ясная разсудительность всегда брали верхъ и выводили его изъ неминуемыхъ, казалось бы, бѣдъ!... Какъ глубоковѣрующій человѣкъ, Неживовъ во всѣхъ своихъ удачахъ видитъ особое къ нему милосердіе Господне...

Во всякомъ случаѣ О. Е. Неживовъ интересенъ какъ самородокъ, какъ чистый типъ русскаго человѣка, не переформованнаго чуждымъ ему образованіемъ, но вполне самобытно и сознательно отыскавшаго себѣ оригинальную дѣятельность, безусловно имѣющую немаловажное значеніе для культурнаго человѣчества!...

Безъ всякихъ стороннихъ поддержекъ, безъ казенныхъ субсидій онъ основалъ довольно солидное дѣло, которымъ живетъ и кормится, получая десятки тысячъ рублей почти исключительно заграничнымъ золотомъ!...

Какъ никакъ, а все же очень пріятно отмѣчать такіе типы! Есть у насъ Ермаки, Дежневы, Ашиновы и иные сильные люди, ищущіе новыхъ горизонтовъ и дѣлъ...

Развѣ не изъ ихъ компаніи и Неживовы?

Владимиръ Анфиловъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ
ЮЛЬ, 1909 Г.

НА МОГИЛѢ Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКАГО.

(Изъ путевыхъ записокъ).

НѢ пришлось зимой заѣхать въ Пржевальскъ по дѣламъ службы. Какъ ни кратковременно было мое пребываніе въ Пржевальскѣ (всего два дня) и какъ ни мало оставалось свободнаго времени, я все-таки рѣшилъ побывать на могилѣ Н. М. Пржевальскаго.

Бдучи въ Пржевальскѣ, я думалъ, что могила близко около города и озеро тутъ же. Но, къ крайнему огорченію, узналъ, что до могилы отъ города 12 верстъ.

— Не проѣдете вы туда, — говорили мнѣ обыватели города, когда я разспрашивалъ про дорогу. — Тамъ за городомъ глубокіе сугробы. На саняхъ пробраться и думать нельзя. Развѣ что пѣшкомъ проїдете, только не совѣтуемъ—трудно очень.

На почтовой станціи съ меня запросили за конецъ туда и обратно два рубля; но знакомый мастеръ сибирскаго казачьяго полка предложилъ доставить меня на полковыхъ лошадяхъ. Мы условились съ нимъ выѣхать въ два часа, въ день моего выѣзда. Но, по обыкновенію, служебныя дѣла затянулись, и я вернулся домой только въ три часа.

У крыльца уже стояли сани, запряженныя парой добрыхъ лошадей, и мастеръ поджидалъ меня. Я извинился, что запоздалъ, забѣжалъ ненадолго къ себѣ, надѣлъ пимы, взялъ на всякій случай тулупъ, и мы отправились.

Быль декабрь мѣсяцъ. Было холодно. Но именно пріятно холодно, безъ вѣтра, а на душѣ было легко, потому что спѣшная

и срочная работа была кончена, я надолго былъ совершенно свободенъ, что называется, отъ всего земного и радъ былъ этой свободѣ, и собесѣдникъ былъ веселый и разговорчивый, и добрыя лошади бѣжали бойко, и сибирскій казакъ, бойкій, услужливый, пощелкивалъ кнутомъ, посвистывалъ, и мы шибко катили по укатанной дорогѣ, что пролежала сначала по городу, а потомъ до мельницы шла почтовымъ трактомъ. Намъ попадались крестьяне въ дровняхъ, киргизы верхомъ на своихъ маленькихъ лошадакахъ, одѣтые по зимнему въ нагольные бѣлые тулупы и мѣховые ма-лахаи.

Отъ мельницы дорога пошла проселкомъ. Ъхать стало труднѣе, пристяжной особенно было тяжело, потому что коренникъ шелъ по тропѣ, а пристяжная бѣжала стороной, увязая по колѣни въ снѣгу. Немного погода дорога еще больше сузилась. Стало, какъ говорятъ сибиряки, «зубродно». Отъ лошадей ужъ паръ валилъ клубомъ, и мы ѣхали шагомъ.

— Эвонъ, памятникъ видно, — указалъ казакъ кнутовищемъ впередъ, когда городъ далеко остался у насъ за плечами и мы ужъ больше часу ѣхали степью.

Я воззрися вдаль: далеко на горизонтѣ виднѣлась молодая роца, по зимнему времени съ голыми сучьями, а за ней на свѣтломъ вечернемъ небѣ виднѣлось что-то темное и безформенное и это что-то выяснялось, формировалось, и мы скоро стали различать силуэтъ скалы, а на ней большую черную птицу. Только эта роца съ голыми сучьями мѣшала намъ видѣть памятникъ. Она была лишняя и досадливая, и въ лѣтнее время, когда кудрявая и зеленая, она, навѣрное, совсѣмъ заслоняетъ памятникъ.

Послѣднія три версты были совсѣмъ тяжелы для нашихъ лошадей. Здѣсь не было проторенной дороги, попадались только поздніе охотники съ ружьями за плечами. Они возвращались съ залива домой, увѣшанные добычей. Застрелая въ сугробахъ, мы нѣсколько разъ останавливались, пока не доѣхали до завѣтной роци.

При ближайшемъ изслѣдованіи, эта роца оказалась живой изгородью изъ молодыхъ карагачей, образующей небольшой садикъ вокругъ памятника, а въ ней, въ этой загородкѣ, шла дорога, обсаженная молодыми тополями, и оттуда, изъ-за этой загородки, пока мы привязывали лошадей, раздавался свирѣпый лай собаки.

Изъ юрты, что стояла въ одномъ углу сада, слышался окликъ киргиза. Показалось киргизское лицо съ узкими глазами и киргизской бородкой, за нимъ другое, женское, съ краснымъ платкомъ на головѣ. Собака затихла, киргизы исчезли, а мы по аллеѣ пошли къ памятнику.

Все кругомъ засыпано сугробами, занесено снѣгомъ, только аллея прометена, да передъ самымъ памятникомъ расчищена вплоть до земли маленькая площадка.

Мы остановились на этой площадкѣ и стали разсматривать памятникъ. Онъ новостью былъ только для меня,—для мастера и казака онъ былъ давно знакомъ.

Передъ нами скала изъ сердобольскаго гранита, вся склеенная изъ отдѣльныхъ кусковъ поргланскимъ цементомъ. Кое-гдѣ виднѣется прослойка листового свинца. На передней стѣнкѣ скалы что-то вродѣ ниши, а къ ней ведетъ небольшая, высѣченная въ скалѣ витая лѣстница. Выше лѣстницы надпись:

Николай Михайловичъ
Пржевальскій
первый
изслѣдователь природы
Центральной Азіи
род. 1839 — умеръ 1888 г.

Выше надписи въ медальонѣ профиль Николая Михайловича. А еще выше крестъ, тоже высѣченный на скалѣ. И уже на самомъ верху сидитъ мѣдный орелъ. У ногъ его разстиляется мѣдный свитокъ, на которомъ лежитъ лавровый вѣнокъ. По свитку расчерчены горы и рѣки, это карта Центральной Азіи.

Вечеръ потухалъ, горы золотились косыми лучами, отъ долины вѣяло холодомъ. «Пора! — казалось, думала умная птица, — здѣсь холодно и неуютно, здѣсь все погребено подъ сугробами снѣга. Скоро наступитъ ночь, будетъ мракъ и безлюдно». И въ послѣдній разъ схватила она клювомъ вѣнокъ, расправила крылья и... Но, видно, тяжель оказался вѣнокъ, видно, скованы морозомъ могучія крылья. Такъ и остался сидѣть черный орелъ...

За памятникомъ въ 10 шагахъ мы разыскали могилу Н. М.; ее совсѣмъ занесло снѣгомъ. Мы разгребли ее кнутовищемъ и собственными руками, это надгробная плита изъ того же гранита. А на ней надпись:

Путешественникъ
Николай Михайловичъ
Пржевальскій
1839 — 1888.

Не знаю, какъ здѣсь лѣтомъ, но эта заброшенная, засыпанная снѣгомъ могила—зимой производитъ печальное впечатлѣніе. Мнѣ случалось въ русскихъ монастыряхъ видѣть могилы купцовъ и

именитыхъ гражданъ, и тѣ могилы содержатся во сто разъ лучше, хотя прошло со смерти владѣльцевъ сто и болѣе лѣтъ. Тамъ виденъ уходъ и любовь... Здѣсь же нѣтъ ухода, все заброшено, хоть и живеть киргизъ-караульчикъ.

Пробираясь дальше по тропинкѣ, мы добрались до края обрыва. Передъ нами открылся узкій заливъ Иссыкъ-Куля; на немъ копошились утки, и къ берегу приставали позднія лодки; на востокъ направо лежала долина рѣки Джерголанъ, по которой лѣтомъ идутъ покосы и пасѣнки, теперь же на всемъ пролегала бѣлая пелена снѣга. Мѣстность повышалась впередъ пологими холмами, а на вершину ихъ ползла чуть видная дорога на Талдыбулакъ, Сангасъ-Каркару. Сзади насъ, вдали за Пржевальскомъ вздымались высокія горы Терске-Алатау. Чернымъ дырчавымъ вуалемъ лежали на нихъ хвойные лѣса.

У подошвы обрыва по берегу залива шли дачи пржевальцевъ, сверху видѣлись только четырехугольники, обсаженные деревьями, а въ нихъ простенькіе домики, и ничто не напоминало дачныхъ мѣстъ Цетергофа, Ораніенбаума.

Мнѣ столько разъ говорили про красоту этого мѣста, что я ждалъ большаго.

Озеро, или, какъ здѣсь иногда говорятъ, море лежало вдали за высокимъ мыскомъ. Оно убѣгло туда къ горизонту, куда закаты-валось позднее солнце. Огненные полосы шли по поверхности моря. А въ туманѣ стѣной стояли другія горы, Кунгесъ-Алатау. Я долго стоялъ на обрывѣ и смотрѣлъ на чешуйчатую поверхность дали, на всплески волнъ, на черную сѣть перелетныхъ утокъ, онѣ вереницей тянулись къ заливу и черной накипью садились на волны. Здѣсь сидѣлъ когда-то и Николай Михайловичъ и подолгу думалъ свои глубокія думы. Туда, вдалѣ стремился летѣть и мѣдный орелъ. Туда за озеромъ проходитъ дорога въ Россію.

Солнце сѣло, и зажглися на небѣ яркія звѣзды. Горы поблекли. Рѣзкимъ холодомъ потянуло съ поверхности моря. Пора было ѣхать. Мы вышли изъ сада, отвязали лошадей и поѣхали въ городъ. Такъ же тихо, какъ мы ѣхали впередъ, увязая по колѣно въ снѣгу, шли наши кони. Пристяжная притомилась и еле волокла постромки.

Я укутался въ тулупъ потеплѣе. И опять у насъ завязались разговоры.

Говорятъ, для могилы мѣсто указалъ самъ Пржевальскій. Для могилы, пожалуй, еще можно признать это мѣсто годнымъ. Говорятъ, тутъ лѣтомъ много цвѣтовъ, чудная зелень и близость дачъ; въ садикъ ходятъ дѣти. Но для памятника я бы выбралъ другое мѣсто.

Въ этомъ мѣстѣ мало простора, мало скалъ, горъ, пустыни, даже самаго озера, и лежитъ оно далеко отъ тракта.

Я бы выбралъ мѣсто не здѣсь, а на сѣверномъ берегу Иссыкъ-Куля.

Между Курумдами и Чулпанъ-Ата есть одно красивое мѣсто. Горы здѣсь касаются моря, здѣсь въ ледниковый періодъ бушевали огромныя силы. Цѣлые потоки фирна ползли изъ ущелья и несли на своихъ хребтахъ огромные камни. Они разсыпались, эти камни, по самому склону горъ и упали по берегу моря. Упали да и остались здѣсь навѣчно. И образовались ворота.

Здѣсь и погода другая. Вправо на западъ нѣтъ ни дождя ни снѣга; влѣво цвѣтущія села, дожди лѣтомъ и санный путь зимою. Тутъ на перегибѣ на скалѣ слѣдовало бы поставить памятникъ Н. М. Пржевальскаго.

Сзади лежали бы высокія горы. Спереди Иссыкъ-Куль версть на 60, а за нимъ хребетъ Терске-Алатау, въ туманной дали, таинственный чудный хребетъ съ зубцами вѣчнаго снѣга.

Вправо опять Иссыкъ-Куль, до Буамскаго ущелья версть на 100 дорога въ Россію идетъ пологою степью.

Влѣво опять Иссыкъ-Куль до Пржевальска.

Можетъ быть, здѣсь забьетъ жизнь ключомъ, заснутъ пароходы. Но теперь здѣсь пустынно—степь, камни, голыя скалы и широкая водная гладь.

Сверху видно, какъ колышутся на волнахъ птицы-бабы, желтыя утки-атайки и бѣлые, какъ снѣгъ, лебеди, а среди скалъ рѣютъ орлы и грифы. Много обозовъ идетъ тутъ и ѣдетъ. Есть таранчи, киргизы, дунгане, и русскихъ немало.

Здѣсь на огромной скалѣ памятникъ стоялъ бы, какъ на стражѣ. Всякій прохожій бы зналъ, кто хозяинъ этого моря. И море слѣдовало тоже назвать бы Пржевальскимъ...

Мы приѣхали въ Пржевальскъ уже ночью. На улицахъ горѣли фонари, а въ окнахъ свѣтились огни. Я хотѣлъ было увезти съ собою воспоминаніе о Пржевальскомъ и заѣхалъ къ фотографу, чтобы взять снимокъ съ памятника, но, на мое несчастье, фотографія была заперта, и изъ-за двери на мой стукъ боязливый голосъ спросилъ: «Кто тамъ?» Я отвѣчалъ, кто я и зачѣмъ я приѣхалъ. Но, видно, и здѣсь обыватели напуганы, какъ и въ Россіи. И въ отвѣтъ я услышалъ: «Приходите завтра, а то сегодня уже поздно».

Такъ я уѣхалъ ни съ чѣмъ.

А черезъ часъ я уже катилъ на почтовыхъ по Пишпекскому тракту.

Сазоновъ.